

Лиер Христиана Ивановна

Жили мы не плохо, у нас было своё хозяйство и скотина и сад. Когда началась война, отца забрали на фронт и через 3 месяца матери заявили собраться за 24 часа, вас будут выселять. Сказали взять с собой еды на 3 дня и ехать на вокзал грузиться в вагоны. За нами приехали, погрузили на повозку, и повезли на лошадях, старший брат в дороге очень сильно заболел и умер. На станции его забрали, и мы до сих пор не знаем где его похоронили. Ехали мы в поезде целый месяц, нас когда кормили, когда не кормили. Когда подъезжали к Уралу наш поезд столкнулся со встречным, произошло крушение и очень много народу погибло. Ехали мы в деревянных вагонах, не в таких как сейчас. Так мы доехали до Новосибирска, в этих вагонах везли одних немцев. Затем снова затолкали в вагоны, и привезла в Туганский район. Здесь посадили на повозку, было очень холодно, и повезли по частным домам. Отовсюду слышалось: «О, это немцев привезли! Ни за что Фашистов не пущу», а бабушка моя говорит: «Товарищ председатель ну застрелите нас, за что нас так мучить, что мы такого сделали». Председатель добился, что в одном доме старушка нас пустила, отварила нам картошки, принесла соломы с улицы. На утро мать пошла к председателю, чтобы дали нам поесть, он говорит: «Вы немцы, вы не имеете право что-нибудь просить». Тогда мать взяла нас за руки и повела из Туганского района. Шли мы очень долго, пока от холода не стали засыпать, до вокзала было 60 км. Она взяла нас за руки, и мы побежали, чтобы не замёрзнуть. Ночью пришли к Томскому вокзалу. Мать пошла по вокзалу милостыню просить – кто одежду дал, кто картошку. Потом она обратилась к начальнику вокзала узнать где бы устроиться на работу. Он посоветовал пойти в посёлок Степановка, и мы пошли. Маму приняли работать на парниках. Поселили нас в трёхэтажный дом, в маленькую комнатку. Там было много клопов, что даже не возможно было спать. Сестра вышла на улицу, постелила себе там и легла спать, простудилась очень сильно и умерла от воспаления лёгких. Кормили нас плохо: маме давали 400 гр. чёрного хлеба, а нам по 200 гр. и один раз в день давали «баланду». Позже нас перевезли за реку, там был один барак специально для немцев. Этот район называли Берлин. Нас заставляли разрабатывать землю и выращивать овощи. Мне было 10 лет, а я уже работала в поле. В бараке у каждой семьи были свои нары, было так тесно, шаг в сторону уже другая семья. Жили там только одни женщины с детьми, все мужчины были в трудовых лагерях.

Отец позже рассказывал, что их там заставляли лес пилить тоннами, а кормили только одной селёдкой и поэтому они все опухали, что не могли выполнить норму. Кто не мог, тех расстреливали и засыпали тут же, а весной когда снег таял, трупы собирали и хоронили.

Мать очень боялась когда кто-нибудь в лагере болел тифом или туберкулёзом. Однажды когда в лагере разразилась эпидемия, они пошли с сестрой в лес, нарубили ветки и прутья, вырыли ров, сверху его прикрыли прутьями, а внутри поставили чан, и вот в этой землянке мы спали. В «Берлине» мы жили до 1946г., мать работала сторожем, сторожила гаражи. Там произошёл несчастный случай – загорелась проводка. Она испугалась, что ей придётся отвечать за это, схватила проводку голыми руками и хотела вытащить наружу, а в итоге загорелась сама. Она упала в снег и кричала: «Караул, спасите!». Когда мы узнали об этом, ринулись туда, а надо было пройти по заледенелому мосту через реку. Мы с сестрой от ужаса услышанного, соскользнули с моста и упали в ледяную воду. Когда мы вышли из реки, вся одежда на нас застыла, на матери вся одежда сгорела, сестра сняла с себя одежду и кофту и одела на мать. Пока дошли до барака у сестры ноги застыли и окаменели. Она обморозила себе ноги и долго лежала в больнице. Ей сняли кожу с ног. Врачи выслали справку, чтобы отца выслали с трудовой армии, вскоре он приехал. У матери от испуга началось помешательство, её положили в психбольницу, там она лежала три года. Мы вышли из больницы, а у нас ни одежды, ни еды. Когда маму выписали из больницы, через два года она заболела, рак желудка и умерла. Когда мама лежала в больнице, мы работали на полях летом, а зимой учились. В нашем совхозе жили одни немцы, лишь руководство совхоза были русские. До войны мы жили в селе Рождественка, сейчас Кучубеевское, там жили и немцы и

русские, и отношения всегда были очень хорошие. Когда отец вернулся он не имел права работать там, где хотел, его комендатура заставили работать в стройотделе КГБ, сначала кочегаром, потом жилищным комендантом.

В 1956г., нас сняли с комендатуры, а реабилитационные справки дали только в 1991г. Среди нас немцев были очень умные дети, которые хорошо учились, но не могли никуда поступить, их заваливали.

Когда я уже была замужем, и у меня было двое детей, мы продолжали жить в бараке: Один ребёнок спал в ванне, а другой на табуретках. Когда вдруг соседняя комната в бараке освободилась, я обратилась с просьбой в комиссию с просьбой чтобы мне дали эту комнату, но мне сказали: «Вы немцы, мы знаем, за что вас сюда привезли». Я сказала: «Что я была ещё ребёнком, когда нас сюда привезли и не знаю причину, за что нас сюда сослали. Я всю жизнь честно работала на тяжёлых работах». Когда заведующая узнала о моём горе, написала в обком партии жалобу. Через месяц пришло письмо с разрешением расширить мне жильё, но мне так и не разрешили вступить в партию, в комсомол, нас так всю жизнь считали врагами народа.

Я инвалид 2-ой группы, мне очень много лекарств необходимо. Моя попытка написать заявление на счёт нашего бывшего имущества никакого успеха не имела.